

Копипаста:Манок — Lurkmore

При постройке Красноярской ГЭС водохранилище образовалось, оно же — Красноярское море. Кое-где поперек другого берега не видать, а в длину — так и вовсе сотни километров. И лес. Конечно, деревни, села, базы отдыха, опять же... Но далеко от них в одиночку ходить не стоит, да и вдвоем рискованно. Сколько видов зверья ушло из этих мест при строительстве ГЭС... А сколько новых завелось...

* * *

Ильич и Алексеич (друг друга по отчеству звали, потому как оба Николаи) с мая начинали места искать — где после нереста рыбу ловить, а где и просто на берегу день и ночь за разговорами провести. Ильич раньше охотой промышлял, но артрит на коленях с этим еще лет пять назад покончил, а вот баек осталось еще лет на десять.

В июне две тысячи девятого так они и сидели. На редком пологом берегу деревья отступили от воды метров на пятнадцать, образовав травянистый пляж. Моторную лодку привязали к сосне, там, где лес вновь подбирался к воде. Волны реки тихо гудели, походная печка почти не давала света.

— Ильич, я отойду, — Алексеич направился к кустам, росшим у самой воды. Если по-маленькому — оно лучше так, в воду, чтоб запахом не привлечь кого. Да и природе не вредит.

Через пару минут после того, как шум реки скрыл его шаги, мечтательный голос Алексеича раздался слева, из леса:

— Что за ночь, а? Глянь на небо!

— Ты чего там забыл? — мотнул головой Ильич. — А? Живот, что ль, подвело? Лексеич?

Николай Ильич подождал ответа, и, не дождавшись, вытащил из рюкзака рулон туалетной бумаги, подошел к соснам и взгляделся в темноту:

— Куда тебе кидать, голос подай!

* * *

Алексеич, справив нужду, прошелся до лодки, проверил, как держит канат — хорошо держал. С того места, где они расположились на ночевку, донеслась какая-то возня. Широкое водное пространство к громким крикам не располагало, так что Алексеич просто зашагал обратно, не упуская из виду огонек печки. Когда был уже недалеко, раздался голос Ильича:

— Ты чего там забыл?

— Да лодку провер...

— Ты чего там забыл? — перебил Ильич.

В интонации друга что-то Алексеичу сильно не понравилось, но ноги уже вынесли его к кругу света. Вещи лежали как раньше, только один из рюкзаков зевал распахнутым карманом. Метрах в четырех белело что-то длинное, скрученное — рулон туалетной бумаги, размотанный конец которого терялся в темноте среди деревьев. Оттуда, от узловатых сосновых стволов, голос Ильича сказал:

— Куда тебе кидать, голос подай!

И интонация, и сами слова были не к месту. Алексеич переступил ногами, хрустнула сухая хвоя.

— Ты чего там забыл?

Вот что не так было... не менялась интонация. Как записанная на пленку, раз за разом. Алексеич смотрел на рюкзак и слушал, как в горле начинает трепыхаться пульс.

— А? Живот, что ль, подвело? Лексеич? Ты чего там забыл? Голос подай!

Никого между деревьями не видно... Света мало, конечно, но уж движение какое-нибудь он бы разглядел. Шаги бы какие-нибудь... В неподвижной тишине раздалось умиротворенное хмыканье Ильича:

— В августе и не такое небо будет, звезды будут — во!

А потом добавило другим, смутно знакомым голосом:

— Ильич, я отойду.

В ушах у Алексеича зазвенело, от головы в ноги бросилась горячая слабость. Кто бы ни стоял там, среди сосен, он не понимал смысла произносимых слов. Что за тварь бродила сегодня в темноте вокруг них?

Запомнила звуки речи и подманивала ими человека, как охотник подманивает птицу манком? Один из древесных стволов пересекла тень — чернее черного. Мелькнула мысль об Ильиче и пропала. Захотелось лечь и закрыть глаза: не видишь — не знаешь. Подкосилась в колене нога, и теряя равновесие, Алексеич задел печку.

Раскаленное железо отрезвило.

Заорав бессмысленно, срываясь в визг, он схватил печку за ее короткие горячие ноги и рубанул ею темноту. Труба отвалилась, вылетевший сноп искр ожег руки и лицо, но Алексеич этого не заметил.

— Сука! Сука! Сдохни! Сука!

Алексеич пятился к берегу, держа печку перед собой, ничего не видя из-за мельтешащих в воздухе искр. Что-то ринулось из темноты, но Алексеич, крутанувшись вокруг себя, с размаху швырнул печку навстречу. Звук удара дал ему сил бежать.

В лодку он прыгнул с разбегу, отчего она, прошуршав по траве и песку, сошла в воду, натянув канат. Даже не дрогнув, Алексеич потянул из-за голенища охотничий нож и в два взмаха тугой канат перерубил. Лодку отнесло от берега и медленно закрутило в омуте.

Поверхность реки была полна лунных бликов.

Алексеич замер. Берег стоял темной стеной, оттуда не доносилось ни шороха. Теперь затаиться... Он медленно, беззвучно перебрался на корму. Завести тихо не получится, ну тут уж — не подведи!

В полуметре от кормы бликующая вода разошлась. Раскрылась щель широкой пасти:

— Что за ночь, а? Глянь на небо!

* * *

Алексеича так и не нашли. Лодку затянуло в заводь ниже по течению. А Ильича, говорят, медведь пожрал — кто ж еще так кости обглодает?

Читать ещё

- [Ака](#)